

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В СОЗДАНИИ ПРЕДПОСЫЛОК КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ

ACTIVITIES OF POLITICAL EXILES IN THE CREATION OF THE PREREQUISITES OF CULTURAL DEVELOPMENT OF THE BAIKAL REGION

H. Tibodeau

Summary. the article deals with the ascetic activity of political exiles from the Decembrists and Polish rebels in Transbaikalia, who, thanks to the perseverance of the moral spirit and a high degree of education, preserved their noble dignity in inhuman conditions of hard labour. Being the bearers of advanced socio-political views, they have become invaluable guides in the field of education and culture for 30 years of their stay in the new society.

Without any other means of livelihood, former prisoners were forced to teach after serving prison sentences and labor duties in the hardest mine works, generously sharing a solid baggage of humanitarian and technical knowledge with the local population. They also possessed the skills of choral and instrumental music-making and introduced it to the younger generation. Similar contacts of exiled poles with young people were extremely negatively perceived by the gendarmerie authorities, who were zealously pursuing them in an effort to block harmful free-thinking.

Keywords: political exile, penal servitude, hard labor Academy, the nobility, the Polish-Lithuanian Commonwealth, the culture, the tutor, the regular army, «barabanshiki music».

Цибудеева Надежда Циденевна

*К. искусствоведения, доцент, ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный институт культуры
cebude@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается подвижническая деятельность в Забайкалье политических ссыльных из декабристов и польских повстанцев, которые благодаря стойкости морального духа и высокой степени образованности сохранили своё благородное достоинство в нечеловеческих условиях каторжного труда. Будучи носителями передовых общественно-политических взглядов, они за 30 лет своего пребывания в новом социуме стали для него неоценимыми проводниками в сфере просвещения и культуры.

Не имея иных средств к существованию, бывшие заключённые вынуждены были заниматься преподаванием после отбывания тюремного заключения и трудовой повинности на тяжелейших рудниковых работах, щедро делаясь солидным багажом гуманитарных и технических знаний с местным населением. Они также владели навыками хорового и инструментального музицирования и приобщали к нему подрастающее поколение. Подобные же контакты ссыльных поляков с молодёжью крайне отрицательно воспринимались жандармской властью, ретиво преследовавшей их в стремлении поставить заслон пагубному свободомыслию.

Ключевые слова: политическая ссылка, каторга, каторжная академия, шляхта, Речь Посполитая, культуртрегер, гувернёр, регулярная армия, «барабанщичья музыка».

Лучшие представители дворянского класса России, восставшие против самодержавия и крепостничества в декабре 1825 г., стали первенцами русской свободы, но были подавлены в борьбе за лучшую долю для простого народа: пятеро активистов были повешены, 121 участник сослан на каторгу, остальные подверглись судебным преследованиям.

После кровавых событий в С.-Петербурге и на юге страны передовые сыны Отчизны прошли «сквозь каторжные норы» Сибири (после приговора летом 1826 г. до объявления амнистии 26 августа 1856 г. с последующим проживанием в местах изгнания) и стали невольными культуртрегерами для местных жителей. Ибо состояние культуры Забайкалья серьёзно отставало от его экономического потенциала. В 1-й половине XIX века на бескрайних просторах Восточной Сибири с населением в сотни тысяч людей учебные заведения почти от-

сутствовали, а в существовавших образовательный процесс находился на нижайшем уровне.

Попав в суровые климатические условия Петровского завода, отягощённого отсутствием привычного для них комфорта, каторжане создавали свой быт с нуля, сообразуясь с собственными потребностями и обзавелись для этого мастерской со столярным, токарным и переплётным станками. Судя по свидетельствам, на них чаще других работал Николай Бестужев, который слыл большим «искусником» и славился своими «золотыми» руками, и всё, к чему он их ни прикладывал, ему удавалось. Он изобрёл сидейку (повозку для передвижения, тарантас), выковал всем памятные кольца из кандалов, нарисовал 86 портретов декабристов [1, 676 с.], «был отличный писатель, астроном, поверял и чинил часы, устроил в нашем дворе солнечные, придумал поливальную машину» [2, С. 418–419]. Когда у А.Е. Розена расстроилось фортепиано, они с К.П. Торсоном разобрали инструмент,

заново натянули струны и исправили механику, значитса о разнообразных умениях арестантов [3, С. 129].

Михаил же Бестужев к 5-й годовщине декабрьских событий перефразировал бытовавшую в массах «Богатырскую песню» и с музыкой Ф. Ф. Вадковского посвятил её южному революционному восстанию Черниговского полка под командованием С. Муравьева-Апостола: Что ни ветер шумит во сыром бору / Муравьев идет на кровавый пир / с ним черниговцы идут, грудью встать / сложить голову за Россию-мать [4, С. 235].

Известно, что помимо гуманитарных и технических знаний многие из невольников имели наклонности к музыке и тяготели к инструментальному и хоровому исполнению. В частности, ещё в докаторжный период Михаил Лунин «не переставал играть на фортепиано и импровизировать. К стихам французского офицера Ипполита Оже он сочинил такую оригинальную и прелестную мелодию, что тот закричал от восторга, совсем позабыв о собственном авторстве. В другой раз Лунин сообщает своему другу, что его любимым композитором является Бетховен. Он признаётся, что когда слушает его произведения, не знает, где он пребывает — на небе или на земле», описывается его восприятие прекрасного [5, С. 236].

В записках А. П. Беляева сказано, что В. П. Ивашёв (1797–1840) был прекрасно образован и к тому же обладал редким музыкальным талантом, написав музыку и текст вокальной элегии «Рыбак». Овеянный славой ирландский пианист, композитор и педагог Джон Фильд гордился им, как своим учеником [6, С. 91]. Под стать ему был опальный Алексей Юшневский, «игравший на рояле с такой беглостью, что чем труднее были ноты, тем приятнее ему было. Так что он радовался тем нотам, от которых трещали его пальцы; он также играл на скрипке и вместе со Свистуновым, Вадковским и Крюковым составляли отличный квартет», значитса в записках А. Е. Розена [5, С. 236]. По выходе на поселение А. П. Юшневский слыл в Иркутске едва ли лучшим преподавателем по фортепиано [7, С. 127]. «Бывало, народ обступит частокол нашей тюрьмы и слушает со вниманием гимны и церковное пение наше» [2, С. 415].

Уникальное собрание узников сибиряки воспринимали как «академию или университет с 120-ю академиками, или профессорами, напичканными многосторонними познаниями, которыми охотно делятся от скуки» [8, С. 201]. В организованной ими т. наз. «каторжной академии» желающие могли прослушать курс лекций по интересующему предмету, могли изучать иностранные языки [9, С. 147].

«Бывали концерты или вечера музыкальные. Звучные и прекрасные стихи Одоевского <...> нередко пелись

хором и под звуки музыки собственного сочинения кого-либо из наших товарищей-музыкантов. Нередко работам сопутствовало гармоничное пение. Регентом и капельмейстером был П. Н. Свистунов. Лучшими голосами являлись басы братьев Николая и Александра Крюковых, тенор Д. А. Щепина-Ростовского, сопрано А. И. Тютчева. Церковное пение А. П. Барятинского пели они необыкновенно хорошо», читаем у Н. В. Басаргина [10, С. 34].

«Квартет: 1 скрипка — Вадковский, 2-я — Николай Крюков, альт — Алексей Петрович Юшневский, на виолончели — Петр Николаевич Свистунов должен был помещаться на чердаке, т.к. в комнатах нельзя было расставить стульев по причине нар и тесноты. Были у нас и гитары, и флейта, на которой играл К. Игельштром. Музыка вообще, особенно квартетная, где игрались пиесы лучших знаменитейших композиторов, доставляла истинное наслаждение. К Светлому воскресенью (пасхе) мы спевались под руководством нашего регента П. Н. Свистунова», писал в своих мемуарах А. Е. Розен [8, С. 236].

«По возвращении домой тотчас поставили пюпитр, и Пётр Иванович Фаленберг с Николаем Крюковым начали дуэт на скрипках», значитса в Воспоминаниях А. П. Беляева [6, С. 135]. «Между нами были отличные музыканты, как-то: Ивашёв, Юшневский, оба брата Крюковы. Они в совершенстве владели разными инструментами. Явились скоро рояли, скрипки, виолончели; составились оркестры, а один из товарищей, Свистунов, зная вокальную музыку, составил из нас превосходный хор и дирижировал им», говорится у Н. И. Лорера [2, С. 415].

«Некоторые желали играть на скрипке, флейте, но известно было резать слух товарищей; по этой причине я избрал для себя самый скромный, тихий, но и самый неблагоприятный инструмент — чекан (род флейты — Н.Ц.); с помощью печатного самоучителя разобрал я ноты и каждый вечер употреблял на то условные полчаса», значитса в воспоминаниях декабриста А. Е. Розена [8, С. 236].

Для музыкальных упражнений было отведено помещение с роялем и пианино, называвшееся «клубом». Здесь умеющие играть на инструментах занимались по расписанию, а на досуге устраивали концерты. Инструменты, а то и целые библиотеки выписывали из центра самоотверженные подруги декабристов: Е. И. Трубецкая, М. Н. Волконская, А. Г. Муравьева, Е. П. Нарышкина, А. В. Ентальцева, П. Гебель, Н. Д. Фонвизина, А. В. Розен, М. К. Юшневская, К. Ле-Дантю, писавшие до 20 писем на дню [9, С. 149]. «Пламенно любившая брата и прилично владевшая пианизмом, Екатерина Сергеевна Лунина отправляет в Сибирь фортепиано [9, С. 110, 122]. В 60-е годы XIX в. ссыльные читинцы обладали уже 8-ю фортепиано при их стоимости 150 р. серебром (из записки М. А. Бестужева от 15 ноября 1861 г. [11, С. 132].

С изрядной долей уверенности можно предположить, что этот инструментарий, осев на местах поселений декабристов, был положен в основу развития музыкальных очагов Забайкалья. Предметными свидетельствами тому являются, в частности, скрипка немецких мастеров XIX — начала XX вв. в Новоселенгинском музее, а также скрипичный корпус с профилем А. Страдивари на нижней деке в Национальном музее РБ, принадлежавший предположительно Вильгельму Кюхельбекеру. Известно, что, будучи преподавателем благородного пансиона при Главном Педагогическом институте в С.-Петербурге, он организовал литературный кружок, призывал своих питомцев изучать нравы отечественных летописей, песен и народных сказаний, а также играл на скрипке. Автор монографии об истории сибирской музыкальной культуры указывает на оставшиеся, на местах помимо роялей и клавесинов 4 уникальные скрипки умерших декабристов (3 — А. Страдивари и 1 — Дж. Гварнери [16, С. 278].

Помимо трудовых будней музыка участвовала в праздниках ссыльнопоселенцев. К примеру, на свадьбе декабриста П. И. Фаленберга на дочери Саянского казачьего урядника, сопровождающейся плясками и играми. Девицы, составлявшие круг, исполняли фразу: «Вы бояре ль молодые», переходившую в речитатив «Уж и я твой кум, уж и ты моя кума, где мы сойдёмся — там обоймёмся, где мы свидимся — поцелуемся». При этом в свадебном гулянии участвовали игра на скрипке Н. А. Крюкова и общее участие в хоре [8, С. 132].

«Управляющим Петровским заводом был горный инженер А. М. Арсеньев, весьма почитаемый служителями и кандалниками. Его окрестили «отцом природы», происходившем от строк из гимна «Ты возвратился, благодатный», петого некогда итальянской певицей Анжеликой Каталани царю Александру I-му: «Ты возвратился, наш отец природы / всех управляющих венец / и, облетев уральские заводы / в Петровск приехал, наконец, / внемли ж, веселья клики звучны, / сколько мы благополучны / узрев природы всей отца! / ура, ура, ура!», явствует из записок М. А. Бестужева [12, С. 164].

«В другой раз доморощенный хор пел гимн *en vers burlesques* (стих-бурлеск) честь именинника с прославлением административных и сердечных подвигов того же А. М. Арсеньева», говорится там же.

Желание приносить пользу людям продолжилось при выходе заключённых на свободу, принесшую оптимальное приложение их умениям и раскрепостившимся силам. «Декабристы организовали школу, в которой, по отзывам современников, детям давали образование от начального и ремесленного до высшего и классического», говорится в очерке пытливого исследователя сибирской старины Е. Д. Петряева [12, С. 14]. Из детей

горных чиновников был организован певчий хор, подростки готовили к поступлению в горный институт и другие учебные заведения [6, С. 149]. Успешно учительствовали члены семей декабристов: княжна Прасковья Михайловна Шаховская — жена А. Н. Муравьёва, сёстры Бестужевы Елена, Мария и Ольга, сестра Торсона Екатерина Петровна. Они обучали девочек музыке, рукоделию, поварскому искусству [13, С. 114–115]. Опальный А. П. Юшневский, выйдя на поселение, давал уроки фортепиано и считался в Иркутске едва ли лучшим преподавателем музыки [14, С. 132].

Между тем польские мятежники отбывали наказание в тех же местах, что и их предшественники по борьбе за народное счастье. «Привезли и двух поляков, один из которых Михаил Рукевич едва вошёл в острог, как стал у ограды и запел с сентиментальным видом и польским акцентом старый французский романс: «В стенах мрачной башни молодой король тоскует», описывает кн. М. Н. Волконская эпизод появления новых арестантов [11, С. 236].

Роль ссыльных поляков в развитии культуры забайкальского населения достойна отдельного внимания и составляет постдекабристский период, длящийся до рубежа XIX–XX столетий. Он возник как результат на ряд повстанческих выступлений 1794, 1830–31 и 1863–64 годов за восстановление Rzeczpospolita (объединённой польско-литовской державы) в прежних границах 1772 г., приведших к её присоединению к Российской империи.

Польское патриотическое движение возглавлялось представителями привилегированного сословия — шляхтичами, поддерживаемыми широкими крестьянскими слоями. Власть метрополии ответила на него подавлением всех центров этнической консолидации с массовыми репрессиями, беспощадными разгромами и огромными людскими потерями. На «правое дело — свободу самостоятельной и родственной национальности, притесняемой её родной сестрой Россией», отреагировал в своей автобиографии великий классик русской музыки Н. А. Римский-Корсаков [15, С. 132].

Одной из карательных мер по отношению к бунтовщикам стала политическая ссылка с каторгой на трудных производствах Сибири и дальнейшим принудительным поселением в небольших поселениях региона. В этих условиях скрепляющим фактором для народа-изгнанника становилась приверженность к родной культуре.

Согласно официальным данным, число сосланных в Сибирь поляков, в 1863–66 гг. составило 18623 человека, а за период 1879–85 гг. — около 100000 [16, С. 132]. Большинство из прибывших в Забайкалье окончило польские и российские университеты. Цикл же класси-

ческого университетского образования на Западе включал в себя преподавание музыки и живописи.

Будучи европейски образованными людьми, они играли в оркестрах, дирижировали, обучали молодежь музыке и танцам, принимали самое живое участие в балах и устройстве музыкальных вечеров, начавших интересовать сибирское общество [17, С. 269].

Что же касается профессионального искусства, то оно помимо Краковского университета было распространено при королевском дворе, в поместьях магнатов, в монастырях. Первая национальная консерватория в Варшаве была открыта в 1821 году и воспитала большое количество музыкантов мировой значимости, опередив на 40 лет первый российский музыкальный вуз.

После заточения сосланные в Забайкалье польские коммунопатриоты оказались невольно вовлечёнными в процесс обучения местного юношества. Среди них можно числить бывшего профессора Варшавского университета Пётр Людовикович Боровский, находившийся до 1853 г. на каторжных работах в Нерчинском заводе. Имевший серьёзную европейскую подготовку К.О. Савичевский был пианистом, который остался в Кяхте после окончания срока каторги в 1842 году и снискал себе авторитет на поприще музыкально-просветительской деятельности [18, С. 132].

Опальный Генрих Северинович Краевский занимался обучением детей купца Спешилова и в качестве гувернёра нашёл приют в его доме. Жена Краевская-Домашевская Анна также давала уроки музыки и иностранных языков девочкам из купеческих семей [18, С. 132].

В 1850-е годы солдат расквартированного казачьего полка Пшемыслав Сливовский был приглашён в семью верхнеудинского купца А. М. Курбатова для преподавания музыки четырём сыновьям и двум дочерям. Позднее он обучал уже дочерей забайкальского казачьего атамана и золотопромышленника А. И. Разгильдеева (Анну, Александру и Любу) [18, С. 146–147].

Однако из длительной деловой переписки (ноябрь 1847 — январь 1848) штатного смотрителя Троицко-савских училищ Н. Н. Попова и пограничного служащего П. А. Петухова следует, что «проживающий в доме

купца Спешилова польский политический преступник Константин Осипович Савичевский даёт уроки музыки и французского языка детям своего хозяина, и будто бы простёр наглость свою до того, что ходит давать уроки к купцам Скорнякову и Трапезникову». Такая чрезмерная бдительность местного чиновничества свидетельствует об уязвимости и шаткости положения поднадзорных.

И всё же экономический статус городка нуждался в торжественных церемониях с участием музыкальных коллективов. Для таких целей кяхтинское купечество пригласило капельмейстера Гжегожа Козьяркевича (1804-?) к руководству войсковым казачьим оркестром из 9–10-ти инструментов: контрабас, кларнет, флейта, фагот, две скрипки, виолончель, труба, валторна. Он обслуживал потребности местных жителей и воинского соединения для армейских, светских и религиозных праздников, а также для семейных или свадебных гуляний [18, С. 143, 147].

Так, перед выступлением скрипача А. М. Редрова — капельмейстера оркестра Иркутского гарнизонного батальона оркестр под управлением Гж. Козьяркевича «играл польки и разные лёгкие вещи». В самом же концерте ему аккомпанировал К. О. Савичевский [19, С. 44–48].

Изначально появление музыкантов-инструменталистов в России обязано организации с 1683 г. регулярной армии в рамках петровских реформ и открытию учебных заведений, в программу которых входили «барабанщичья музыка, игра на флейте и хоровое пение» [17, С. 118]. Так что по мере продвижения армейских соединений на Восток их сопровождали полковые оркестранты.

Таким образом, пребывание в Забайкалье более сотни лучших представителей передового русского и польского дворянства благотворно воздействовало на самые разные категории населения. Они внесли ценный вклад в кустарную промышленность, сапожное, портняжное ремесло, пивоварение, сыроделие, колбасное и другие мелкие промыслы [11, С. 132]. А молодежь и старики из нарождающейся местной интеллигенции, предпринимателей и рабочего люда старались у них учиться понимать и ценить прекрасное, тянулись на досуге к чтению и книге.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. Москва: изобраз. Искусство, 1977. — 676 с.
2. Лорер Н. И. Записки моего времени / Мемуары декабристов. — Москва: Правда, 1988. — 576 стр.
3. Шешин А. Б. Декабрист К. П. Торсон / А. Б. Шешин. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. — 190 стр.
4. Соловьева Л. А. Исторические песни Сибири о событиях, связанных с восстанием декабристов / Л. А. Соловьёва // Декабристы и Сибирь. — Новосибирск: Наука, 1977. — сс. 231–237.

5. Розен А. Е. Записки декабриста / А. Е. Розен. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. — 480 стр.
6. Записки декабриста Александра Петровича Беляева // Своей судьбой гордимся мы. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — сс. 76–139.
7. Белоголовый Н. А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах / Н. А. Белоголовый // Дум высокое стремление. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. — сс. 127–170.
8. Дёмин Э. В. Золотая россыпь Селенгинска. Кн.2. Историко-краеведческие очерки / Э. В. Дёмин. — Улан-Удэ, 2010. — 384 стр.
9. Старцев А. Хроника трёх поколений / А. Старцев, А. Шерешев // Байкал. — 2007. — № 1. — сс. 143–173.
10. Басаргин Н. В. Записки декабриста / Н. В. Басаргин // Своей судьбой гордимся мы. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — С. 12–75.
11. Розен А. Е. Чита, Петровский Завод // И дум высокое стремление. Москва, 1980. — С. 250.
12. Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. О жёнах и сёстрах декабристов / Э. А. Павлюченко. — Москва: Наука, 1980. — 159 стр.
13. Першин-Каракарский П. И. Воспоминания о декабристах / П. И. Першин-Каракарский // Дум высокое стремление. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. — сс. 213–237.
14. Петряев Е. Д. Впереди огни: очерк культурного прошлого Забайкалья / Е. Д. Петряев. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 340 с.
15. Тиваненко А. В. Декабристы в Забайкалье (Селенгинские страницы) Новосибирск: Наука, 1992. С. 114–115. Роменская Т. А. История музыкальной культуры Сибири от походов Ермака до крестьянской реформы 1961 года. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. — 415 стр.
16. Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. М.: Музыка, 1982. — С. 40.
17. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886) СПб.: Рус. — Балт. инф. центр БЛИЦ, 1999. Т. I. — С. 131; Т. II. — С. 197.
18. Гапоненко В. В., Семёнов Е. В. Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья в 1-й половине XIX века. Улан-Удэ: изд-во ВСГАКИ, 2006. — С. 143–147.
19. Харкеевич И. Ю. Музыкальная культура Иркутска / И. Ю. Харкеевич. — Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1987. — 280 с.
20. Роменская Т. А. История музыкальной культуры Сибири от походов Ермака до крестьянской реформы 1961 года / Т. А. Роменская. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992. — 415

© Цибудеева Надежда Циденовна (cebude@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Восточно-Сибирский государственный институт культуры